

Синьцзян-ойратская версия
эпоса «Джангар»:
корпус текстов и сюжетный состав

Цаган Б. Селеева

Элиста, Россия, tsagana007@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена содержательным аспектам синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар», сложившейся в русле самобытной национальной эпической традиции, обогащенной заимствованиями из традиций монголоязычных народов.

Задачи исследования – изучить проблемы формирования корпуса текстов версии, рассмотреть сюжетный состав, вопросы сюжетосложения, межтекстовых взаимосвязей, контаминации и новаторства в поздней эпике.

Корпус текстов синьцзян-ойратской версии довольно разнороден по своему качественному составу. Наряду с аутентичными образцами, в него вошли сводные, подвергшиеся обработке, а также заимствованные традицией тексты. Наблюдается наличие большого числа текстовых вариантов.

Сюжетный состав характеризуется типологическим единством и представлен разностадиальными образцами эпоса (архаическими, классическими и полистадиальными). В сюжетах поздней эпики заметны процессы трансформации, связанные со снижением уровня героической идеализации, актуализацией сказочной и бытовой архаики, контаминацией сюжетов, влиянием книжных текстов. Прослеживается доминирование некоторых сюжетов в традиции, влияющих на возникновение новых сюжетов, – сохраняя инвариантную суть, они модифицируются и трансформируются на сюжетно-структурном и мотивном уровнях.

Ключевые слова: эпос «Джангар», синьцзян-ойратская версия, сюжетный состав, корпус текстов

Для цитирования: Селеева Ц.Б. Синьцзян-ойратская версия эпоса «Джангар»: корпус текстов и сюжетный состав // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 4. С. 35–53. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-35-53

Xinjiang Oirat version of the Jangar epic. Corpus of texts and plot composition

Tsagan B. Seleva

Elista, Russia, tsagana007@mail.ru

Abstract. The article deals in the substantive aspects of the Xinjiang Oirat version of the epic “Dzhangar”, was developed in line with the original national epic tradition, enriched with borrowings from the traditions of closely related Mongol-speaking peoples.

The main objective of the research is to study forming the corpus of the version texts and to consider the plot composition, the issues of plot composition, the intertextual relationships and the contamination and innovation in the late epics.

The text corpus of the Xinjiang Oirat version is rather heterogeneous in its qualitative composition. Along with the authentic samples, it includes consolidated texts subjected to certain treatment, as well as the texts borrowed by tradition. There is a large number of text variants.

The plot structure is characterised by typological unity and is represented by the epic samples of different stages (archaic, classical and polystadial). In the plots of the late epics, it is possible to notice the processes of transformation, associated with a decrease in the level of heroic idealisation, the actualisation of the fabulous and everyday archaic, the contamination of plots, the book texts influence of book texts. One may also trace the dominance of some plots in the tradition, influencing the emergence of new plots, while retaining the invariant essence, they are modified and transformed at the plot-structural and motive levels.

Keywords: epic “Dzhangar”, Xinjiang Oirat version, plot composition, corpus of texts

For citation: Seleva, Ts.B. (2020), “Xinjiang Oirat version of the Jangar epic. Corpus of texts and plot composition”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 4, pp. 35–53, DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-35-53

Научные исследования и теоретическое осмысление «Джангара» продолжительное время были основаны на текстах калмыцкой версии, открытой более чем на полтора века ранее (начало XIX в.) синьцзян-ойратской. Бытование «Джангара» в традиции ойратов Синьцзяна долгое время оставалось неподтвержденным. В конце XIX в. стали появляться разрозненные сведения об этом, но полноценных записей не обнаруживалось.

В настоящее время известно, что эпические сказания о Джангаре бытуют у всех ойратов Синьцзяна. Они зафиксированы исследователями у четырех этнических групп: торгутской, хошутской, олётской и чахарской. Кроме того, бытование эпоса отмечено у небольшой группы чахаров, переселившихся в автономный округ Бортала в XVIII в. из Южной Монголии [Лю Шиу 2004, с. 115].

Начальный этап джангароведения в Китае был отмечен сбором и публикацией текстов эпического памятника, для чего в 1980 г. создали Синьцзянское отделение Общества по изучению фольклора и искусства. В конце 1979 г. был образован кружок исследователей, преобразованный позже в секцию, которая занималась сбором текстов «Джангара» на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая (СУАР). В течение нескольких лет по всем округам Синьцзяна проводилась масштабная работа – были организованы съезды исполнителей эпоса, интервьюированы, прослушаны и записаны свыше ста сказителей и знатоков фольклора. За сравнительно короткое время общими усилиями на территории СУАР было записано огромное количество текстов – как полных, так и фрагментов эпических текстов. Исследователь Т. Джамцо сообщает о записи шестидесяти шести глав-песен и сорока вариантов к ним, несколько позже Ж. Ринчиндорж упоминает о записи семидесяти полнотекстовых глав-песен и ста пятидесяти вариантов. Наряду с текстами были собраны ценные сведения, касающиеся биографий сказителей, традиции исполнения и передачи, обычаев и ритуалов, народных легенд и преданий, благопожеланий, песен, связанных с эпосом «Джангар». С 1980-х гг. стали публиковать многочисленный корпус текстов, ставший свидетельством существования большой самобытной национальной эпической традиции.

Начало собирательской и издательской работы положили преподаватель университета Внутренней Монголии У. Буянкишиг, сотрудник Синьцзянского книжного издательства Т. Бадма, а также фольклористы Ж. Ринчиндорж, Т. Джамцо, Дж. Батнасан, Б. Амурдалай, Алтан и Лю Шиу. Ими были подготовлены и опубликованы издания текстов «Джангара»¹. Они же стояли у истоков изучения синьцзян-ойратской версии «Джангара».

¹ Jangyar in tuuli / bart beldsni T. Badma, Buyankishig. Urumchy, 1980. 647 h. (на старописьм. калм. яз.); Jangyar-in eke material. 1–12 b. Urumchy: Sinjiang-in arad-in keblel, 1982–1996 (на ойрат. письм.); Jangyar / H. Hasagva, A. Tojbaj, Ehrdehni, H. Bada, Damirinzhab, N. Lota, T. Badm, T. Dzhamco, Ch. Irinceh. 3 b. Urumchy: Sinjiang-in arad-in keblel, 1986–1987, 2000; 1986. B. 1. 860 x.; 1987. B. 2. 865 x.; 2000. B. 3. 460 x. (на ойрат. письм.).

К моменту первой публикации синьцзян-ойратской версии «Джангара»² записали пятьдесят глав-песен, из которых Т. Бадма и Буянкишиг отобрали пятнадцать текстов для издания. В сборник вошло тринадцать глав-песен, публиковавшихся впервые: Глава о битве Алтан Чееджи баавы со Строгим Саналом Смуглолицым (№ 1, сказитель Люрюб), Глава о битве Алого Хонгора Благородного с Саваром Тяжелоруким (№ 2, сказитель Рампил), Глава о победе Алого Хонгора Льва Благородного над тремя братьями-мангусами (№ 3, сказитель Дарам), Глава о битве Хонгора с сыном Кюрюл Замбал ханом (№ 4, сказитель Пюрбюджаб), Глава о Хату Хара Сангсаре (№ 5, сказитель Пюрбюджаб), Глава о женитьбе Салькин Таваг богатыря (№ 6, сказитель Дарам), Глава о пленении Дунгшур-Герел мангуса Алым Хонгором Благородным (№ 8, сказитель Рампил), Глава о Хан Сийр витязе (№ 9, сказители Люрюб, Рампил), Глава о свирепом Мала-Хавхе (№ 10, сказители Лиджи, Пюрбей, Бадмнр), Глава о победе Алого Хонгора Благородного над мангусовским Бюргюд ханом (№ 11, сказители Каарв, Докна), Глава о Хара Тевегте хане (№ 12, сказитель Пунджига), Глава о битве Хара Джилган богатыря с Шара Герел ханом (№ 13, сказитель Баснхар), Глава о женитьбе Хошуна Алого (№ 15, сказитель Пюрбей). Два текста восходят к калмыцким источникам эпического цикла Ээлян Овла: Глава о женитьбе Хонгора (№ 7, сказитель Рампил) и Глава о доставлении богатырем родившегося Бадмин Улана Хошуном Алым, Хара Джилганом богатырем и Аля Шонхором (№ 14, сказитель Рампил).

Собранный обширный материал и накопленный опыт позволили ученым осуществить публикацию всего корпуса текстов памятника, состоящего из семидесяти глав-песен в трехтомнике на ойратской письменности «тодо бичиг»³. В российском издании он вышел в переложении на современном калмыцком языке, осуществленном известным востоковедом Б.Х. Тодаевой⁴.

В первый и второй тома (1986–1987 гг.) вошли тексты шестидесяти глав-песен, репрезентирующих синьцзян-ойратскую версию «Джангара». В конце каждой главы дана справочная информация, касающаяся имени сказителя и редактора текста. Третий том был опубликован несколько позже, в 2000 г. В него вошли тексты десяти глав, обширное приложение из трех разделов, а также фотоиллюстративный материал. В первый раздел приложения

² Jangyarın tuuli.

³ Jangyar. 1986; Jangyar. 1987; Jangyar. 2000.

⁴ Джангар: Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: В 3 т. Т. 1. Элиста: Джангар, 2005. 856 с. (на калм. яз.); Т. 2. Элиста: Джангар, 2006. 831 с. (на калм. яз.); Т. 3. Элиста: Джангар, 2008. 460 с. (на калм. яз.).

включены славословия, во второй и третий разделы приложения вошли обзорные статьи китайских исследователей о записи, изучении и публикации эпоса «Джангар».

Одной из особенностей данного и последующих крупных собраний синьцзян-ойратского «Джангара» является включение бытовавших в среде синьцзянских сказителей заимствованных глав-песен, восходящих к известным книжным текстам калмыцкого «Джангара».

Синьцзян-ойратские главы-соответствия из цикла калмыцкого сказителя Ээлян Овла в настоящем трехтомнике в основном были опубликованы в томе I. Разрозненная нумерация глав в списке издания косвенно свидетельствует о распаде монолитного цикла Ээлян Овла в синьцзян-ойратской рецепции, как и указания на записи этих песен от разных сказителей: № 5, 19 (1), 19 (2) П. Рампил, № 15 Дж. Никя, № 16, 17, Б. Зягря, № 20, 24 Т. Бимба. Песня № 22 записана от двух сказителей – П. Рампила и Т. Бадамнара, видимо, два варианта главы-песни были сведены редактором в одну. В главе-песне № 14 указан только обработчик текста Т. Бадма.

Проведенный сюжетно-текстологический анализ путем наложения содержательной части десяти глав-песен соответствий обеих национальных версий выявил значительное совпадение текстов (практически на семьдесят процентов, что свидетельствует о прямом заимствовании синьцзян-ойратской традицией цикла калмыцкого сказителя Ээлян Овла) [Селеева 2013]. В целом же на сюжетном и тематико-мотивном уровнях было выявлено единообразие и небольшое варьирование на содержательно-текстологическом уровне.

Природа такого рода культурного заимствования, по-видимому, связана с книжными текстами великого калмыцкого рапсода (опубликованными в России в начале XX в.), получившими широкое распространение в монгольском мире и послужившими актуализации и новому расцвету традиции «Джангара» в среде ойратов Синьцзяна и Монголии⁵. Этому способствовали и более поздние издания калмыцких текстов в Китае. В 1958 г. во Внутренней Монголии на старокалмыцкой письменности были опубликованы десять песен «Джангара» цикла Ээлян Овла по изданию 1910 г. в Петербурге⁶. Свод «Джангара», вышедший в 1940 г. в СССР,

⁵ Jangγar: Taki Zulaa qaani ūldel Tangsag Bumba qaaniači Ūjǰung aldar qaani kǔbǔŭn ūyeyin öñčin Jangγariyin arban bölog / сказитель Ээлян Овла, зап. Н. Очиров, изд. В.Л. Котвич. СПб., 1910. 336 с. (на старописьм. калм. яз.).

⁶ Jangγar: Taki Julaa qaγan-u ūledel Tangsag Bumba qaγan-u ači Ūjǰung aldar qaγan-u kǔbegǔn ūye-yin öñöčin Jingγar-un arban γurban bölog. Kökeqota, 1958. 344 q. (на старописьм. монг. яз.).

состоящий из тринадцати глав и переложенный на ойратское «ясное письмо», опубликован в 1964 г. в Синьцзяне⁷.

Немаловажно в этой связи отметить влияние письменной традиции на устную и роль книжных эпических текстов в фольклорной традиции. Так, все исследователи отмечают устную форму бытования «Джангара» в Синьцзяне. Наряду с укоренившейся устной традицией имела место и письменная форма: письменная фиксация породила немало списков эпоса. Сведения о «рукописях “Джангара”» встречаются практически во всех ареалах бытования эпоса – в Калмыкии, Монголии, Синьцзяне, Бурятии, однако до сих пор они не подкреплены реальными находками. Не исключено, что источниками подобных «сведений» стали распространявшиеся в этих регионах экземпляры литографического издания цикла Ээлян Овла 1910 г. [Неклюдов 2019, с. 241]. Наряду с циклом Ээлян Овла, который вошел в репертуар синьцзянских сказителей Гелега, Очира, Рампила, Цевя, Никя, Джуна и др., в традиции бытуют две песни из ранних калмыцких циклов, публиковавшиеся вместе с песнями Овла: «О Шара Гюрю» и «О Хара Кинесе».

Специфическим является подход китайских исследователей к публикации текстов на начальном этапе. Известно, что тексты из собрания 1980 г. и вышеупомянутого трехтомника при подготовке к печати прошли различного рода обработку, зачастую был представлен сводный текст глав. При этом подходе издатели придерживались принципа сохранения ядра и основной сути повествования, сводя варианты глав в один. Стремясь к передаче наиболее полного текста, из записей сначала отбирали законченные главы, которые дополнялись другими вариантами. Известно, что семнадцать из семидесяти опубликованных текстов песен представляют собой такие сводные варианты песен [Бадма 2008, с. 433].

Более наглядно принципы слияния и сведения текстов представлены в издании «Собрание новых сказаний “Джангара”», подготовленном Т. Джамцо⁸. Собрание включает двадцать пять глав различных национальных версий на ойратском и китайском языках, в латинской транскрипции, с кратким изложением содержания каждой песни на английском языке. В книгу вошли одиннадцать глав-песен собственно синьцзянской версии «Джангара». Кроме синьцзянских вошли тексты калмыцкой, монгольской и бурятской версий эпоса. Издание предваряется обширной

⁷ Bayatur-ud-un tuuli. 2-e изд. Köke-qota, 1964. 323 q. (на старописьм. монг. яз.).

⁸ Jangyar-yin gurban kelnä kevel / bart belsun T. Dzhamco. Urumchy: Sindjiyang-giyin ik surgulun kevelen hora, 2005. 1262 x. (на старописьм. монг., кит. и англ. яз.).

вступительной статьей Т. Джемцо об истории собирания и изучения эпоса «Джангар». Тексты снабжены подробными комментариями, примечаниями и иллюстративным фотоматериалом.

Несколько сказаний монгольской и глав-песен калмыцкой версий не были сведены, а были целиком взяты из книжных изданий «Джангара», переложены Т. Джемцо на «тодо бичиг» и, дополненные комментариями и примечаниями, включены в настоящее собрание. Таким образом был опубликован текст главы монгольской версии «О том, как богдо нойон Джангар хан сразился с мангасами Хавха Хара Соя и Дённ Шара», ранее публиковавшийся на современном монгольском языке в 1978 г. в сборнике «Аунаан алдарту аялган Нонггор». Аналогично подготовлен текст главы-песни калмыцкой версии Ээлян Овла «О том, как красивейший во всей вселенной Мингъян, Эрке Туг хана сын, по велению славного богдо Джангара пленил и привез могущественного Кюрмин хана», взятый из сборника 1978 г.

Большинство сводных тестов сведены составителем из двух и более вариантов. Фрагменты сводных текстов маркированы знаками “А”, “В”, “С”, “D” и т. д. соответственно. При сведении повторяющиеся части глав были исключены, а недостающие дополнены. Ряд глав, в основе которых положены тексты книжных источников калмыцкой и бурятской версий, сведены с текстами синьцзянских джангарчи. Так, основу вступительной главы составил калмыцкий текст пролога Ээлян Овла, добавлены фрагменты из материала сказителя Рампила, отмеченные в тексте знаком “А”, также сведены эпизоды джангарчи Харцхи, Пюрбюджаба и Мёнкетегира из сборника 1982 г. № 2, 7 «Jangyar-in eke material» («Черновые материалы “Джангара”») и обозначенные в тексте знаком “В”, “С”, “D” соответственно.

Публиковавшаяся ранее на кириллице глава бурятской версии «Предание о богдо Джангаре, сыне Уйн Бухайра, возраст которого [насчитывает] восемьдесят тысяч лет, рост девяносто локтей», именуемая преданием, была переложена на «тодо-бичиг» профессором Го Гантгтогтоху. В конце дается указание, что песнь записана от бедного простолюдина Манзарин Дугура, бурята, проживающего на реке Керулен, 3 июня 1916 г.

Довольно часто за основу брался текст синьцзянского сказителя, который дополнялся фрагментами книжного текста и записями других сказителей. Таким образом сведена глава-песня «О женитьбе Благородного Алого Хонгора на дочери хана Алач Алтан Данджюкя», где за основу был взят текст, записанный от сказителя Лиджин Пюрви из Байнгола, кроме того, были добавлены отдельные фрагменты и эпизоды из главы хобуксарского сказителя Перлян Рампила и книжного текста калмыцкого сказителя

Ээлян Овла «О женитьбе Хонгора». Фрагменты Э. Овлы помечены знаком “А”, Рампила – “В”.

Встречаются примеры текстов, когда сводились два варианта записи от разных сказителей. Так, «Глава о том, как воинственный Алый Хонгор, уничтожив двух братьев восточной стороны Свирепого Хара мангаса, захватил их владения» записана осенью 1980 г. в аймаке Тарбагтай, местности Хар Усун Синьцзяна от скотовода Джаван Делгя. К ней были добавлены фрагменты от варианта данной главы джангарчи Джигджеина и помечены знаком “А”.

Но имеются также и тексты, сведенные из различных вариантов рукописей. Подобным образом сведена «Глава о том, как славный нойон Джангар-хан одержал победу над ханом Хара Кинесом», рукописи которой имели широкое распространение в среде ойратов Синьцзяна.

Публикуемые тексты подверглись в основном обработке содержательной части, сведению различных текстовых вариантов и фрагментов в один текст. Единично встречаются главы, переработанные по форме изложения. Так, рукописный прозаический текст «Главы о том, как сын Хонгора Хошун Улан сокрушил сына Нарндалы хана трехлетнего Сёняка Хара, подчинил владения мангаса Андалмы» был переработан и переложен составителем Т. Джамцо в поэтическую форму. Сообщается, что песнь по линии передачи в традиции восходит к сказителю XIX в.: сын Боры Доржи в возрасте 26 лет в 2016 г. перенял эту главу у 60-летнего торгутского джангарчи Бадмы из рода бага керяд, сейчас самому джангарчи 66 лет. В свое время Бадма усвоил эту главу у джангарчи Бусуда в 1876 г. Отмечено, что ранее, 127 лет назад, эта глава бытовала среди торгутов, рода бага керяд, уезда Хеджин. В содержательной части глава была дополнена из варианта сказителя Сагаин Зунгуруба из уезда Хеджин, рода цаатн, проживающего в местности Байн Булг.

В более поздних и современных изданиях синьцзян-ойратского «Джангара» опытные составители постарались в определенной степени отойти от практики сводных текстов и стали использовать принципы и подходы, сохраняющие аутентичность фольклорных текстов. Так, с 1982 г. Синьцзянское отделение Китайского общества по изучению народной литературы и искусства осуществило серийный выпуск подлинных записей песен «Джангара» с их кратким содержанием, паспортизацией сказителей, сведениями об условиях фиксации текста⁹.

В этой связи особый интерес для исследователей представляет и одно из последних трехтомных изданий семидесяти восьми глав

⁹ Jangyar-yin eke material. 1982–1996.

синьцзян-ойратской версии «Джангара», вышедшее в Синьцзяне на ойратской письменности в 2013 и 2015 гг.¹⁰ В отличие от предшествующих изданий, где несколько вариантов текстов сводились в один, здесь соблюден научный подход к публикации оригинальных текстов по принципу «один текст – один сказитель». В томах неоднократно повторяются варианты глав, записанные от разных сказителей. Первый том включает двадцать одну, второй – двадцать девять, третий – двадцать восемь глав и два магтала-восхваления. В конце каждого тома даны краткие биографические сведения о синьцзянских сказителях. Публикуемые оригинальные тексты были записаны в 1980–1990-х гг. Б. Амурдалой, Т. Бадмой, Т. Джамцо. Расшифровку записей и тексты подготовили в 2009–2014 гг. Б. Амурдалай, Д. Галдан, Кензя, Наранхувя, К. Нимя, Оюн, Эрдя.

Публикации синьцзян-ойратского «Джангара» еще не завершены, так как публикуются новые главы, выходят переиздания на китайском, старомонгольском, ойратском, английском и других языках. Издаются записи и репертуар отдельных сказителей из разных местностей Синьцзяна, характеризующийся определенными различиями.

Различия связаны с региональными особенностями: у чахар эпос бытует в виде отдельных песен, у торгутов версия сложилась из отдельных песен в цикл, а у олётгов и хошутгов эпос изначально бытовал в виде цикла. В ряде аймаков Синьцзяна отмечается более значительная сфера распространения эпоса, в других – менее; ареально встречаются полные и краткие сюжеты, имеются песни, бытующие локально, наблюдаются также различия в разработке сюжетов и мотивов, образов героев [Лю Шию 2004, с. 115]. Характерные особенности эпической традиции отмечены у различных этнических групп. Так, наличием большого числа вариантов песен и сохранностью архаических рудиментов тотемного культа и шаманских воззрений отмечена традиция торгутов, у олётгов наблюдается отсутствие песни-пролога, у чахар преобладают буддийские мотивы в образах главных богатырей, у хошутгов заметна близость к торгутским версиям [Лю Шию 2004, с. 113].

Вариативность эпических песен обусловлена региональными особенностями и временными трансформациями: «<...> не было одной установленной традиции исполнения “Джангара”, ойрат-монгольские джангарчи, проживающие в разных местах, исполняют его так, как их обучали на их родине соответственно времени

¹⁰ Jangyar: Jangyarchudyn häälsen «Jangyar-yin» ug tekst. Urumchy: Sindjiyang-giyin aradiyin keblel-yin xoro. 2013. B. 1. 670 x; 2013. B. 2. 680 x; 2015. B. 3. 683 x. (на ойрат. письм.).

и местности. По этой причине какой-либо мотив или песнь <...> обычно имеют несколько вариантов» [Джамцо 2004, с. 58].

Изменения и трансформации в традиции связаны также с происхождением и статусом сказителя-джангарчи. В качестве примера исследователь Т. Джамцо приводит творчество известных сказителей Пюрги и Рампила. Первый, будучи простолюдином, воспевал в своих песнях героическое время богатырей и правителей. Второй, будучи ламой, в исполняемых песнях использовал буддийские мотивы, в которых обнаруживается печать времени активного распространения ламаизма среди ойрат-монголов [Джамцо 2004, с. 59].

Существенной трансформации во времени подверглась вступительная часть эпической песни. Ранее исполнение основных песен предварялось песнью-восхвалением – подобием пролога в калмыцкой традиции, позднее она редуцировалась до небольшого вступительного отрывка или вовсе была утрачена [Джамцо 2008, с. 372].

Синьцзян-ойратская эпическая традиция характеризуется типологическим единством и устойчивостью на сюжетно-тематическом уровне. В ней наблюдаются два основных типа циклизации сюжетов – концентрическая и генеалогическая (линейная). Сюжеты имеют структуру, которая строится на принципе концентрической циклизации вокруг эпического центра – страны Бумбы – и эпического властелина – правителя Джангара. В эпической традиции прослеживаются также тенденции генеалогической циклизации, в которой представлены сюжеты, повествующие о трех поколениях богатырей – Джангаре и его богатырях-сподвижниках, их предках и потомках.

Так, ряд сюжетов рассказывает о событиях из эпической биографии отца Джангара Узенг хана и отца Хонгора Бёке Мёнген Шигширги: «О битве могучего Кюрмен хана со Славным Узенг ханом», «О битве Славного Узенг хана с грозным Свирепым Мангна ханом», «О женитьбе Узенг Алдар хана»; «О женитьбе Бёке Мёнген Шигширги», «О том, как Бёке Мёнген Шигширги подчинил Джангару пять миллионов кочевий государя Ширки».

Закономерно присутствие в традиции сюжетов, повествующих о разных этапах героической биографии главных героев эпопеи – Джангара и Хонгора: «О том, как Славный Джангар в двухлетнем возрасте остался сиротой», «О том, как Славный Джангар, взяв в руки печать Свирепого Ширки, собрал своих львов-богатырей», «О том, как Славный нойон богдо Джангар взял в жены Ага Шавдал»; «О том, как малолетний Альий Хонгор искал старшего дядю», «О том, как малолетний Альий Хонгор, одержав победу над Хянгил Хавхыгом, привез его шлем», «О том,

как в возрасте пятнадцати лет Алыи Хонгор Благородный одержал верх над Могучим Хара Мангасом», «О женитьбе Хонгора», «О том, как Хонгор в возрасте двадцати пяти лет одержал победу над Свиристым Дюд Даранхой».

Обнаруживаются сюжеты, освещающие более ранний этап, до образования Бумбайской державы, когда между богатырями и Джангаром шло противостояние: «О битве Алтана Чееджи с Джангаром», «О том, как Славный Джангар сразился с Саналом», «О битве почтенного Алтана Чееджи со Свиристым Саналом Смуглолицым», «О битве Алого Хонгора Благородного с Саваром Тяжелоруким», «О победе трех богатырей Алого Хонгора, одинокого Эр Эмлцага, Железного Бюса над тремя братьями Боро Мангна».

В традиции доминируют сюжеты, описывающие противостояние джангаровых богатырей с антагонистами: «О том, как джангаровы [богатыри] одержали победу над Алтан Соя ханом», «О том, как Гюджирдгин Гюзян Гюмбе подчинил себе кочевье Свиристого Шара Гюргю», «О победе Бурхан Боро Мангна, сына Заят Алдар хана, над Дёше Мангна ханом», «О том, как богатырь Джангара Батхан одержал победу над Эргю Йовн Уланом», «О тяжбе сказителя Ке Джилгана с тремя ханами Шарагола», «О том, как восьмилетний Нярбат спас дочь Хурмусты-тенгрия, похищенную мангасом».

Наличие многочисленных сюжетов о подвигах Хонгора в эпической традиции ойратов Синьцзяна свидетельствует о возможном бытовании в прошлом отдельного цикла, посвященного прославленному герою-богатырю: «О том, как Алыи Хонгор Благородный одержал победу над тремя братьями-мангасами», «О победе львоподобного Алого Хонгора Благородного над Хара Кюкел ханом», «О том, как Алыи Хонгор одержал верх над Свиристым Доронгин Хара мангасом», «О битве Алого Хонгора с ханом Геленг Замбалом», «О том, как львоподобный Алыи Хонгор Благородный одержал победу над Свиристым Хара Сёнкягом», «О том, как сокол среди людей Хонгор одержал победу над вепрем Хара Тевегом, сыном Ханга Хавхи», «О том, как Алыи Хонгор Благородный спас Джангара и одержал победу над Ланг мангасом», «О битве Алого Хонгора Благородного с ханом Нарандалой».

Изобилуют в традиции сюжеты, повествующие о героических деяниях потомков – наследников Джангара и его богатырей: «О том, как сын Джангара Арвас Хара взял в плен Эргю Мёнген Тевега», «О битве богатыря Хара Джилгана с ханом Шара Герелом», «О том, как богатырь Хара Джилган и Хошун Улан одержали победу над бирменом мангасов Кёке Мангна», «О победе сына Хонгора Хошун Улана над вражеским светло-лысым змеем», «О том, как двухлетний Хошун Улан впервые отправился

в поход», «О победе сына Хонгора Хошун Улана над ханом Сёня», «О том, как Хонгор вместе с сыном Хошун Уланом одержал верх над тремя мангасами», «О женитьбе Хошун Улана», «О том, как Славный богдо Джангар вручил свою печать “Алта Зууһин арслн” Хошун Улану».

События сюжетов синьцзян-ойратского «Джангара» находят выражение в универсальных темах древнейших тюрко-монгольских эпических памятников – борьбе с антагонистом и героическом сватовстве. В традиции представлены однотурные сюжеты, посвященные реализации одной из эпических тем, двухтурные, когда реализуются две темы в одном сюжете, и многотурные – эпическая канва из нескольких тематических событий. Таковы, к примеру, двухтурные сюжеты, разрабатывающие темы борьбы с антагонистом и героического сватовства: «О том, как славный нойон Джангар и Благородный Алып Хонгор сокрушили Мала Хавху и сын Хонгора женился», «О том, как сын Бёке Мёнген Шигширги Хонгор привез голову Геленг Замбал хана и, женившись, привез дочь Алач хана».

Своеобразны особенности сюжетосложения, способы структурной организации и подачи сюжета в синьцзян-ойратской джангаровской традиции. В ней представлены все типы сюжетов: архаизированные сюжеты, насыщенные архаическими мотивами, традиционные и классические. Обнаружены также полистадиальные образцы, имеющие в большей или меньшей степени влияние архаического и классического типов эпоса.

Сюжет «О женитьбе Бёке Мёнген Шигширги»¹¹ сложен в русле традиционных сюжетов о героическом сватовстве архаического типа. Налицо архаизация, выраженная мотивами и атрибутами сказочного эпоса, элементами традиционной свадебной обрядности.

К поздней эпике классического типа относится сюжет «О женитьбе сокола среди людей Савра Тяжелорукого»¹². В отличие от сюжетов архаического типа, когда герой ценой собственных усилий, пройдя всевозможные инициационные испытания, добывает себе суженую, герой классического типа принимает советы и помощь правителя Джангара и богатырей-соратников. Налицо превалирование вассальных отношений, когда правитель и дружина не оставляют героя в затруднительных ситуациях, а спешат оказать помощь и поддержку. Конфликтная острота сюжета и необходимость дружинного участия обусловлены наличием у героя

¹¹ Джангар: Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. Элиста, 2005. Т. 1. С. 57–76.

¹² Там же. С. 525–536.

сильного соперника. Правитель и дружина богатырей-соратников отправляются вместе с героем в страну иноземного хана и участвуют в состязаниях за невесту.

Основной мотив трех состязаний претерпел коренную трансформацию в героическом эпосе классического типа. Хотя виды и условия состязаний претендентов остались прежними (стрельба из лука, скачки, борцовский поединок), но изменения коснулись участников состязаний. В архаическом эпосе принципиально личное участие героя в них. Одержанная в упорной борьбе с соперниками победа давала герою право получения невесты-суженой и реализации главного замысла – создания семьи и основания рода.

В классическом героическом эпосе строгие условия, касающиеся личного участия претендента во всех трех испытаниях, утрачиваются, герою на помощь приходят богатыри-соратники, что подчеркивает превалирующую идею крепости уз дружинного братства. Как правило, богатыри-соратники принимают участие в первых двух состязаниях (стрельбе из лука и скачках), оказывая поддержку герою и демонстрируя тем самым дружинное единство. Лишь в последнем состязании, борцовском поединке, герой участвует сам.

Сюжет композиционно выстроен в традиционном ключе повествований о героическом сватовстве и включает основные эпизоды и мотивы. Следует отметить, что содержание сюжета, событийный фон, функции персонажей, описание событий приближены к исторической действительности. Архаизация затронула лишь персонаж, представляющий соперника героя, являющегося сыном *мангаса*, архаического хтонического существа. Сюжет имеет типологическое сходжение с сюжетом калмыцкой версии «О женитьбе богатыря Хонгора».

Сюжет «О женитьбе Няרבата»¹³ имеет признаки архаического и классического типов эпоса. Так, к разряду архаических следует отнести образ суженой героя, согласно повествованию являющейся представительницей иного мира, дочерью владыки водного ханства. Если в классической эпике путь героя пролегает в кочевья иноземного хана, то здесь ему следует отправиться во владения водного ханства. К архаическим элементам также относится эпизод превращения героя Няרבата и Хонгора в *тарха*-паршивцев при вхождении в границы владений водного ханства. Но вместе с тем налицо элементы позднего дружинного эпоса – правитель Джангар в сопровождение Няרבату отправляет в качестве помощника лучшего воина-богатыря дружины Хонгора.

¹³ Джангар: Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. Элиста, 2008 Т. 3. С. 187–200.

В сюжетах поздней эпике синьцзян-ойратской традиции наблюдаются процессы сказительского новотворчества и контаминации. Новотворчество может быть проявлено на уровне эпизодов, обусловленных контекстными взаимосвязями сюжетов внутри традиции, а также заимствованиями из калмыцкой версии.

Сюжет главы «О том, как славный нойон богдо Джангар взял в жены Ага Шавдал»¹⁴ построен в характерном для сюжетов о героическом сватовстве плане. Примечателен он тем, что повествует о героическом сватовстве *нойона богдо* Джангара, правителя Бумбайской державы. Специфической особенностью сюжета является эпизод, порожденный контекстными взаимосвязями с прологом калмыцкой версии.

Так, один из эпизодов, рассказывающий подробно о визите Джангара в страну сорока девяти ханств, хана четырех материков, отсылает нас к прологу калмыцкой версии Ээлян Овла, где упоминается, что Джангар, прежде чем взять в жены Ага Шавдал, отверг дочерей четырех ханов материков. Сюжет повествует о хане Джангаре, по совету мудреца Алтана Чеедж отправившегося в далекую страну Номо Тёгес хана с целью жениться на его дочери. Прodelав долгий путь, побывав в гостях у хана четырех материков, отвергнув его дочь, посетив в пути другие ханства и отвергнув дочерей иноземных ханов, Джангар вместе с встретившимся в пути богатырем-соратником наконец достигает заветной страны Номо Тёгес хана. Отец невесты устраивает три вида состязаний среди претендентов. Одержав победу над соперником в состязаниях, Джангар женится на дочери Номо Тёгес хана Ага Шавдал.

Сюжет «О женитьбе Хошун Улана»¹⁵, по-видимому, относится к поздней эпике. Содержательно сходный с сюжетом «О женитьбе богатыря Хонгора», возможно, он является результатом прямого заимствования.

В версии обнаруживаются сюжеты, имеющие двухходовую контаминированную структуру, – сюжет «о мнимом и настоящем женихе» («О Хан Сийре»), сюжет «о мнимой невесте и суженой» («О женитьбе Хонгора»), сюжет «о запрете и его нарушении» («О женитьбе Узюнг Алдар хана»).

Сюжет «О Хан-Сийр-витязе»¹⁶ – это весьма популярное в Синьцзяне сказание, повествующее о поездке Хан-Сийра к суженой и драматических коллизиях (убийство героя его поборником-

¹⁴ Джангар: Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. Элиста, 2005. Т. 1. С. 169–196.

¹⁵ Джангар: Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. Элиста, 2006. Т. 2. С. 755–772.

¹⁶ Там же. С. 7–30.

изменником, ослепление и остракизм принцессы, верной суженому, разоблачение и наказание ложного жениха Хонгором), возможно самостоятельное в прошлом, оказалось втянутым в орбиту Джангариады в силу ее циклизующего начала [Кичиков 1997, с. 157].

Сюжет имеет контаминированную структуру – линия, связанная с главным героем Хан-Сийр, дается лишь в начале повествования, а затем его роль и функции исполняют иные персонажи, порождающие новые линии развития сюжета. Основные героические подвиги, связанные с устранением соперника, участием в борьбе за невесту, исцелением самого героя Хан-Сийр, совершаются богатырем Хонгором. Контаминированное свойство сюжета выразительно проявляется, когда повествование о богатыре – сопернике Улада, коварно расправившегося с героем Хан-Сийр, принявшего его облик и отправившегося за его невестой, резко обрывается и переключается на рассказ о добыче Хонгором трех пудов золота в стране мангаса для Джангара. Данный эпизод носит автономный характер и, будучи изъятым, никак не влияет на ход цельного повествования. По всей вероятности, мотивировка с эпизодом предпринята для введения в сюжет Хонгора, в последующем взявшего на себя функцию главного героя.

Глава «О женитьбе Узюнг Алдар хана»¹⁷ имеет двухходовую сюжетную структуру и содержательно построена по схеме волшебных сказочных повествований «запрет – нарушение запрета – беда». В целом содержание сюжета разработано в ключе архаических сказаний о героическом сватовстве. Ход сюжета обусловлен запретом, связанным с суженой героя, нарушение которого повлечет за собой беду. Первая часть посвящена собственно коллизиям, связанным с героическим сватовством, вторая часть посвящена периоду счастливой семейной жизни героя, рождению наследника и беде, случившейся согласно предсказанию.

Сюжет повествует о героическом сватовстве отца Джангара, Узюнг-Алдар-хана, к дочери водного ханства, дагни Урман Цецен. Герою снится сон, будто через дымоход его юрты вошло солнце, а в дверь вошла луна. Взволнованный, он спешит к Бёке Мёнген Шигширге, который с супругой-хатун поясняет, что сон его знаменует встречу с суженой, дочерью владыки водного ханства, дагни Урман Цецен. Но обнаружилось, что существует строгий запрет не выдавать девушку замуж в течение трех лет, поскольку дагни сконцентрировала в себе счастье и благополучие своего рода, в ином случае оно будет утрачено.

¹⁷ Джангар: Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. Элиста, 2005. Т. 1. С. 37–56.

Герой, послушавшись Бёке Мёнген Шигширги и его хатун, отправляется в путь. Долгие странствия в поисках кочевья суженой изматывают героя, и он, лишенный физических сил, теряет сознание. Дагни Урман Цецен, прознав о мучениях героя, спешит на помощь и исцеляет его. Исцелившись и набравшись сил, герой прибывает во владения водного ханства. Там он встречается с Урман Цецен, которой поведал о том, что в младенчестве его отец, преподнеся дары ее родителям, совершил обряд сватовства, а теперь он прибыл, чтобы забрать ее. Дагни советует ему выждать необходимый срок в три года, чтобы жизнь их была счастливой. Узюнг-Алдар-хан дает понять, что не намерен ждать, – если ее родители дадут согласие, то он возьмет ее замуж, если воспротивятся, умыкнет.

Он извещает обо всем хана-отца и просит позволения взять в жены его дочь. Отец невесты, не желая нарушать установленных им условий, отказывает герою в просьбе выдать дочь замуж. Хан-отец поясняет, что он выдал замуж 99 дочерей, что самой младшей родилась дагни Урман Цецен, на которую наложен запрет выдавать замуж. Ханам Замбутива разнесли весть, что дочь они отдадут тому, кто решит сто восемь трудных споров, судьбой предназначенному юноше. Поскольку он есть судьбой предназначенный юноша, в течение трех лет ему следует готовиться и решить сто восемь трудных задач, после чего он сможет жениться на его дочери.

Герой развязывает конфликт, вступает в сражение с войском хана и в одиночку одерживает победу. Хан, оценив по достоинству доблесть и богатырские качества героя, выдает дочь замуж, предупредив, что пять лет они будут жить счастливо, а на шестой год с ними случится беда, поскольку они нарушили запрет. В течение пяти лет Узюнг-Алдар-хан с суженой живут счастливо, у них рождается сын Джангар, будущий правитель Бумбайской державы.

Но затем сбывается пророчество, и в кочевья Узюнг-Алдар-хан приходит беда. Владения Узюнг-хана подвергаются опустошительному нападению Свирепого Шара Мангаса – в живых остается лишь мальчик-сирота Джангар с жеребенком-двухлеткой, которого пленил хозяин соседнего кочевья Бёке Мёнген Шигширги. Данный эпизод восходит к известному сюжету «О подчинении Алтан Чееджи мудрого [Джангару]», повествующий о пленении юного Джангара нойоном Бёке Мёнген Шигширги. По всей вероятности, он встроен в повествование и сложен под влиянием известного в джангаровской традиции сюжета, поскольку противоречит начальным описываемым событиям, где Бёке Мёнген Шигширги является близким другом и мирно соседствует с Узюнг ханом.

Сюжет имеет развязку драматического характера, не свойственную джангаровским сказаниям. По всей видимости, эпизод сюжетной развязки является плодом новаторства сказителя и навеян знанием джангаровской традиции.

Бытование и развитие синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» осуществлялось в лоне сложившейся самобытной синьцзян-ойратской традиции, обогащаясь сюжетами и мотивами из эпических традиций близкородственных монголоязычных народов. В случае с синьцзян-ойратским заимствованием песен калмыцкого цикла Ээлян Овла мы наблюдаем уникальное явление: фиксированные ранее в традиции близкородственного калмыцкого народа тексты органично влились в национальную традицию ойратов Синьцзяна.

Процесс формирования корпуса книжных текстов на начальном этапе был осложнен вмешательством со стороны издателей и составителей, подвергнувших некоторые тексты существенной обработке и редактуре. В результате ряд сводных текстов, сформированных из вариантов, утратил свою аутентичность. Более поздние тексты опубликованы, основываясь на принципе «один сказитель – один текст». На современном этапе в корпус вливаются тексты, записанные в отдельных регионах и местностях Синьцзяна.

В национальной версии представлены архаические и классические образцы сюжетов, обнаруживаются полистадиальные образцы, имеющие в разной степени влияние архаического и классического типов эпоса. В сюжетах архаизированной поздней эпики наблюдаются процессы сказительского новаторства и контаминации. Контаминация может быть проявлена на уровне эпизодов, обусловленных контекстными смысловыми взаимосвязями сюжетов, а также различного рода заимствованиями внутри традиции и тюрко-монгольской эпической общности.

Существенна роль традиции в сюжетосложении синьцзян-ойратского «Джангара». Так, в орбиту собственно джангаровской традиции входят эпические сказания, имевшие ранее самостоятельный статус. Бытование сюжета в традиции порождает варианты с признаками внутренней вариативности. Некоторые сюжеты доминируют в традиции и влияют на возникновение новых сюжетов, сохраняя инвариантную суть, модифицируясь и изменяясь на уровне мотивов.

На современном этапе заметны процессы трансформации синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар», связанные со снижением уровня героической идеализации, актуализацией сказочной и бытовой архаики, контаминацией сюжетов, влиянием книжной эпической традиции, утратой отточенности стилевых форм и отсутствием больших репертуарных циклов.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-512-93002 «Фольклор народов Шелкового пути: ойрат-монголы Китая и калмыки России (от сказки к эпосу)».

Acknowledgments

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Academy of Social Sciences of China within the framework of the scientific project No. 19-512-93002 “Folklore of the Silk Road peoples: the Oirat-Mongols of China and the Kalmyks of Russia (from a fairy tale to an epic).”

Литература

- Бадма 2008 – *Бадма Т.* Заключение // Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: В 3 т. Элиста: Джангар, 2008. Т. 3. С. 431–436.
- Джамцо 2004 – *Джамцо Т.* Особенности синьцзянского «Джангара» и его значение // «Джангар» и проблемы эпического творчества: материалы Международной научной конференции (Элиста, 22–24 авг. 1990 г.). Элиста: Джангар, 2004. С. 52–82.
- Джамцо 2008 – *Джамцо Т.* Распространение и сохранение эпоса «Джангар» среди монголов Синьцзяна // Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: В 3 т. Элиста: Джангар, 2008. Т. 3. С. 368–390.
- Кичиков 1997 – *Кичиков А.Ш.* Героический эпос «Джангар»: Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Восточная литература, 1997. 319 с.
- Лю Шю 2004 – *Лю Шю.* Особенности песен «Джангара» в четырех аймаках Синьцзяна // «Джангар» и проблемы эпического творчества: материалы Международной научной конференции (Элиста, 22–24 авг. 1990 г.). Элиста: Джангар, 2004. С. 113–116.
- Неклюдов 2019 – *Неклюдов С.Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии: Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Селеева 2013 – *Селеева Ц.Б.* Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013. 276 с.

References

- Badma, T. (2008), “Conclusion”, in Ochirova, N.G. (ed.), *Geroicheskiy epos sin'czyanskiy ojrat-mongolov* [Heroic Epos of the Xinjiang Oirat Mongols], vol. 3, Dzhangar, Elista, Russia, pp. 431–436.

- Jamtsho, T. (2004), "Features of Xinjiang 'Jangar' and its Meaning", in *"Dzhangar" i problemy epicheskogo tvorchestva: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Elista, 22–24 avgusta 1990 g.* ["Jangar" and the issues of epic creative work. Proceedings of the International Scientific Conference, Elista, August 22–24, 1990], Elista, Russia, pp. 52–82.
- Jamtsho, T. (2008), "Distribution and Preservation of the 'Jangar' Epic among the Mongols of Xinjiang", in *Geroicheskij epos sin'czyanskih ojrat-mongolov* [Heroic Epos of the Xinjiang Oirat Mongols], vol. 3, Dzhangar, Elista, Russia, pp. 368–390.
- Kichikov, A.Sh. (1997), *Geroicheskij epos "Dzhangar": Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamyatnika* [The Heroic Epic "Dzhangar". Comparative Typological Study of the Monument], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Lyu Shiu (2004), "Features of the Songs of 'Jangar' in Four Aimags of Xinjiang", in *"Dzhangar" i problemy epicheskogo tvorchestva: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Elista, 22–24 avgusta 1990 g.* ["Jangar" and the issues of epic creative work. Proceedings of the International Scientific Conference, Elista, August 22–24, 1990], Elista, Russia, pp. 113–116.
- Neklyudov, S.Yu. (2019), *Fol'klornyj landshaft Mongolii. Epos knizhnyj i ustnyj* [Folklore Landscape of Mongolia. Book and Oral Epic], Indrik, Moscow, Russia.
- Seleeva, Ts.B. (2013), *Ukazatel' tem kalmyckoj i sin'czyan-ojratskoj versii eposa "Dzhangar"* [Index to the Themes of the Kalmyk and Xinjiang Oirat Versions of the Dzhangar epic], KIGI RAN, Elista, Russia.

Информация об авторе

Цаган Б. Селеева, кандидат филологических наук, Элиста, Россия; tsagana007@mai.ru

Information about the author

Tsagan B. Seleeva, Cand. of Sci. (Philology), Elista, Russia; tsagana007@mail.ru